

ДИСКУРСИВНОЕ СОЗНАНИЕ: СИНЕРГЕТИКА ЯЗЫКА, ПОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Дискурс, если интегрировать всё обозримое множество его определений [1], — это среда речи-мышления (термин С. Д. Кацнельсона), рассматриваемая с точки зрения того механизма, который им управляет. Что же управляет дискурсивной деятельностью? С одной стороны, ответ кажется вполне очевидным: всей разумной деятельностью человека управляет сознание. С другой — что такое сознание вообще, можно ли говорить о дискурсивном сознании и как оно управляет дискурсивной деятельностью?

Вопрос о взаимоотношении дискурса и сознания вообще был поставлен в книге У. Чейфа «Дискурс, сознание и время» [2], которая достаточно полно представлена в обзорной работе Е. А. Кибрика [3]. И всё же «научная интрига» сохраняется продолжающейся полемикой о природе и сущности языкового сознания вообще и речевого сознания в частности. Будем исходить из гипотезы о том, что любая деятельность человека организуется и управляется сознанием: языковая деятельность — языковым сознанием, речевая деятельность — сознанием речевым, коммуникативная деятельность — коммуникативным сознанием. В продолжение этого ряда, если признавать существование дискурсивной деятельности вполне логично ставить вопрос и о дискурсивном сознании. Однако сама поставка такого вопроса балансирует на грани риска, поскольку некоторыми авторитетными исследователями категорически отрицается возможность выделения языкового сознания (М. В. Никитин, А. В. Кравченко и др.) [4. С. 158]. Однако достаточно убедительными нам представляются и их оппоненты. «Становление структуры дискурса, — по мнению К. Ф. Седова, — отражает (и выражает) особенности эволюции коммуникативной компетенции личности» [5. С. 4].

Чтобы исключить очевидные риски, уточним наше понимание природы и сущности дискурса на фоне их истолкования основоположниками теории дискурса [6, 7, 8]. В известном сборнике «Квадратура смысла» хотя и не обсуждается проблема дискурсивного сознания как таковая, многие моменты косвенно связаны с необходимостью её обсуждения. Непосредственно её провоцируют поднимаемые французскими учёными вопросы о дискурсивных особенностях субъект-форм, тайных механизмах «воображаемого и *moi imaginaire*» как «субъекта дискурса». В частности, указывается на то, что субъект создается путем «забвения» того, что его определяет. При этом уточняется, что обращение к индивиду как субъекту речи осуществляется путем идентификации (субъекта) с дискурсивной формацией, в которой он создается как субъект речевой деятельности. Такого рода идентификация является основополагающей для воображаемого единства субъекта. Она опирается на тот факт, что элементы интердискурса, которые являются в дискурсе субъекта *следами того, что его определяет*, вновь вписываются в дискурс самого субъекта.

Однако при всей важности такого подхода остаётся нерешенным один из принципиальных вопросов, он касается неодинаковой специфики двух элементов интердискурса: «преконструкта» и «стыковки», которые предстают как определяющие субъект дискурсии, навязывая ему и скрывая от него его подчинённость не столько дискурсу, сколько дискурсивному сознанию (см. подробнее: [10]).

По мнению У. Чейфа, понять сущность дискурсивного взаимодействия языка и сознания в целом невозможно если рассматривать их автономно. В связи с этим У. Чейф формулирует две исходные для него методологические идеи. Во-первых, вопреки укоренившейся в дискурс-анализе когнитивно-психологической практике необходимо признавать только публично верифицируемые данные. При этом У. Чейф декларирует право исследователя опираться на интроспекцию как на законный источник информации о когнитивных процессах. Язык представляет собой мощный инструмент проверки наших интроспективных гипотез. Во-вторых, в противоположность и психологической, и лингвистической практике У. Чейф настаивает на приоритете естественных данных перед искусственными (экспериментальными или сконструированными). Хотя искусственные данные могут быть полезны, основывать целые научные направления только на них непродуктивно. Поскольку работа У. Чейфа генетически связана с этнографической традицией, она ориентирует исследователей дискурса на эмпирические данные. У. Чейф сосредоточивается на двух проблемах. Первая — это объяснение языковых явле-

ний на основе процессов, происходящих в сознании. Сознание может быть непосредственным и отстраненным (воспоминание или воображение). Непосредственное сознание более базисно и устроено проще, чем отстраненное. Вторая основная проблема связана с важным для дискурса определением первичности устного или письменного языка. Поскольку универсальной формой языка является его устная форма, все типы языковых явлений вначале предпочтительнее исследовать в режиме непосредственного сознания.

Исходным моментом в трактовке терминосочетания *дискурсивное сознание* является уяснение смыслового содержания входящих в него слов. Недвусмысленно и точно сказать, что понимается под термином *сознание*, архисложно, если вообще возможно. И всё же из всех существующих определений наиболее адекватной в контексте обсуждения проблемы дискурсивного сознания представляется мысль о сознании как знании, которое может быть передано, может стать достоянием других членов сообщества. Со-знание — это знание вместе с кем-то (ср. с сочувствием, сопереживанием, сотрудничеством и т. п.).

Иногда считают, что слово *дискурсивный* — это синоним слова *рассудочный*. В принципе возможна такая семантизация этого слова. В этом случае прилагательное *дискурсивный* входит в одно понятийное поле со словом *концептуальный*. Говорят даже о концептуальном / дискурсивном и неконцептуальном / недискурсивном состоянии ума. Специалисты, исследующие тибетские тексты, в связи с этим различают три вида человеческой мудрости: мудрость слушающего, мудрость размышляющего и мудрость медитативно-созерцающего. Первые два вида мудрости как раз и связаны непосредственно с дискурсивным сознанием (т.е. есть с сознанием, различающим субъект и объект). Это значит, что дискурсивное сознание — это такое сознание, которое основано на фокусировании единства противопоставленных друг другу двух главных участников речемыслительной деятельности: субъекта и объекта. Такое понимание дискурсивного сознания опирается на два момента: на речемыслительную деятельность как главное условие возникновения дискурсивного сознания и на речевое поведение — её составляющую и форму реализации. Из этого следует, что сущность дискурсивного сознания состоит в постоянном рефлексивном мониторинге речемыслительной деятельности, который так или иначе осуществляется говорящими субъектами. При этом необходимо отметить, что рефлексивный мониторинг речемыслительной деятельности осуществляется непрерывно, охватывая поведение не только самого говорящего индивида, но и других участников речевого акта: субъекта, к которому непосредственно обращена речь, и тех, кто наблюдает за речемыслительным действием. Ярким примером тому может быть речемыслительное действие, происходящее в драматическом театре, где рефлексивный мониторинг речи проводится говорящими на сцене актёрами и теми, кто наблюдает за этим действием, находясь в зрительном зале. Это значит, что актёры не только сознательно отслеживают ход своей деятельности и ожидают, что и зрители поступают аналогично. Только так устанавливается невидимый «контакт сцены и зала», создающий разные виды речемыслительных состояний: напряжение, расслабленную медитативно-созерцающую остановку или равнодушие, предвещающее возможный провал спектакля. В процессе такого «сотрудничества» смысл дискурсивно соотносится с определенными моментами речевого поведения, сознательного и намеренного со стороны актёров и подсознательного — со стороны зрителей. Доказательством тому может служить способность актёров объяснить, если их спросить, что и как они делают на сцене, как говорят и как при этом себя ведут (речевое поведение) для воплощения того или иного замысла. Немаловажную роль играют ремарки в тексте драматического текста, в которых автор расставляет те точки над *i*, которые необходимо учесть играющим актёрам и воспринимающим их зрителям.

Что-то подобное происходит и в обыденном дискурсе, когда говорящий настраивает «камертон» своего дискурсивного сознания на нужное ему восприятие своего сообщения собеседниками или слушающей аудиторией. Проводимый при этом рефлексивный мониторинг речи подчиняется основной стратегической цели: получение от реципиентов вполне определенной реакции в мыслях, невербальных проявлениях общения, в речевом поведении. Речемыслительная гармония создаётся тем, что сейчас принято называть речевой компетенцией говорящих, являющейся краеугольным камнем дискурсивного сознания.

Несомненно, ещё более ярко дискурсивное сознание «работает» у автора художественного текста, речемыслительная (дискурсивная) деятельность которого сродни деятельности дирижера симфонического оркестра, поскольку ему важно удержать в своём дискурсивном со-

знании всё многообразие вербализуемой смысловой полифонии, исходящей от переживания соответствующего дискурсивного события. И это несмотря на то, что рефлексивный мониторинг речи здесь минимален: в сфере словесного искусства дискурсивное сознание «работает» на уровне подсознания и сверхсознания, поскольку представляет собой течение некоего ассоциативно-образного речемыслительного континуума. Именно в его недрах автор переживает «муки слова», ведётся нередко интуитивный выбор слова, придание ему нужного для данной дискурсивной ситуации смысла.

Итак, дискурсивное сознание в процессе синергетического образования ассоциативно-образного речемыслительного континуума тесно сопряжено с дискурсивным подсознанием и дискурсивным сверхсознанием. *Дискурсивное подсознание* включает в себя всё то, что в определенных дискурсивных условиях было осознано или может стать осознаваемым. Это прежде всего доведённые до автоматизма дискурсивные навыки, глубоко интериоризованные социальные нормы и мотивационные речевые конфликты, «преследующие» речевую деятельность субъекта. *Дискурсивное* подсознание защищает сознание говорящих от излишней работы и психологических перегрузок.

Дискурсивное сверхсознание — эпицентр творческой интуиции. Оно обнаруживается на первоначальных этапах словесного творчества, которые, как правило, сознанием не контролируются. Это своего рода бастион словесного творчества, «крепостные стены» которого защищают рождающиеся «психолингвальные мутации» художественного концепта от консерватизма устоявшегося сознания, что позволяет освободиться от давления ранее накопленного дискурсивного опыта, в соответствии с которым стереотипные когнитивные структуры, дискурсивные ситуации и дискурсивно-речевые стратегии соотносятся вполне определённым способом. Последняя закономерность присуща дискурсивному сознанию. Благодаря этой закономерности, собственно и производится рефлексивный мониторинг речи всеми участниками речемыслительной деятельности, достигается взаимопонимание между ними. Нужно отметить, что сознание «не оставляет без присмотра» работу дискурсивного сверхсознания. Непосредственно оно подключается на этапе выбора одной из ряда рождающихся «психолингвальных мутаций», когда возникает необходимость путем их логического анализа и с помощью критериев дискурсивных практик перевести смутные ассоциативно-образные связи художественного концепта в реальную речевую синтагматику полномасштабного слова. Ведь когнитивным ядром любого дискурса является концепт, вокруг которого и порождается дискурс. Поэтому дискурсивное сознание, с одной стороны, осуществляет выбор дискурсообразующего концепта, а с другой, — выбор имени этого концепта и того словесного контекста, в рамках которого происходит текстопорождение. По существу, происходит выбор речевой стратегии, определение одного из потенциально возможных векторов дискурсообразования, то есть того упорядочивающего средства, который бы позволил преодолеть энтропийные тенденции (дезорганизацию, состояние смыслового «тумана») и привести к порождению нового речемыслительного феномена, называемого в лингвосинергетике *бифуркацией* [9]. Иными словами, процесс бифуркации состоит в избрании одной из возможных моделей развития (становления) концепта на этапе его вербализации, в ходе которой преодолевается энтропия и возникают, порой неожиданные, комбинации языковых единиц и их образные значения.

В ходе дискурсивного смыслообразования можно, на наш взгляд, назвать несколько моментов, определяющих поиск дискурсивным сознанием бифуркаций, соответствующих творческим интенциям бифуркаций:

1. В ходе концептуализации знания о дискурсивной ситуации важной речемыслительной операцией является ассоциативный выбор внутренней формы дискурсообразующего концепта, которая бы служила интегрирующим фокусом при концентрации внимания на текстопорождающем смысловом признаке соответствующей референции.

Ассоциативный выбор концептуальной структуры для опознания внутренней формы концепта определяет специфику концептуализации знания, то есть его репрезентацию метафорической когнитивной структурой [10], а также влияет на выбор в ментальном лексиконе лексических единиц, вербализующих те или иные концепты.

2. Вторым важным моментом выбора в ходе концептообразования является активация лексем, которые становятся донорами для обогащения концепта новыми смысловыми элементами. О том, что в процессе перекодирования довербальной информации на вербальный язык

действительно существует выбор лексических единиц, свидетельствуют результаты психолингвистических исследований (см. работы А. А. Залевской, Р. М. Фрумкиной и др.). Подтверждением тому, что в ходе смыслообразования знаков не прямой номинации производится выбор лексических единиц для вербализации концептуализированного знания, также может стать и существование субконцептов.

3. Поскольку в ходе концептообразования когнитивные и семантические структуры могут иметь несколько стационарных состояний, немаловажным в смысловом структурировании концепта является выбор пути достижения одного из возможных стационарных состояний. Важно подчеркнуть, что на довербальном уровне выбор стационарного состояния является не просто выбором существующей метафорической концептуальной структуры и рационализирующего ее концепта, а бифуркация, или выбор направления изменений всех активированных концептуальных структур и формирование нового концепта. Бифуркация на довербальном и бифуркация на вербальном уровнях, как представляется, взаимообусловлены: избрание лексических единиц для вербализации концептуализирующейся информации влияет на смысловое структурирование когнитивной базы концептосферы.

4. Речевая бифуркация — это функциональное ветвление путей смысловой реализации языкового значения слова, т. е. возможности *речевой системы* реализовывать разные смыслы одной и той же синтагмы. Иными словами, линейно упорядоченная синтагма (последовательность слов) способна выражать разные речевые смыслы. Проиллюстрируем это следующей строкой из Е. Евтушенко: «*Не разлюбил я ни одной любимой...*». Смысл этого высказывания складывается из словарных значений основных лексем *не разлюбить*, *любимые*. На основе узусных значений этих слов возможно следующее ветвление путей их смысловой реализации: 1) было много любимых, искренне и по-своему любил каждую; 2) до сих пор люблю всех, кого любил когда-то; 3) в сегодняшней возлюбленной воплотилась вся любовь к предыдущим; 4) любил всегда одну женщину, она была для него всеми возможными возлюбленными, поэтому некого было «разлюбливать». Возможен ещё один, достаточно противоречивый смысл: 5) не разлюбил никого, потому что никого не любил. Противоречивость возникает из-за словарного значения слова *любимая* — *та, которую любят*, но гипотетически возможна «любимая-мечта», воображаемая любимая, поэтому и смысл «никого не любил» также возможен. В данном случае бифуркация представляет собой «смысловое ветвление» анализируемой фразы, набор возможных смыслов.

5. В речевой бифуркации проявляется глубинный характер трансцендентных содержания, которые не могут быть представлены в языке явно, а скрыты за его непосредственной данностью. При таком восприятии на когнитивном уровне работает принцип холистичности —приятие возникающего целостного образа нейтрализующего в себе линейно обусловленные смысловые парадоксы. В этом проявляется и логика человеческого мышления — стремление к осмыслению содержательных инвариантов по отношению к непосредственно данным содержаниям. В таком разбросе возможных смыслов проявляется хаос речевой системы, но он детерминирован значением лексем, составляющих фразу, контекстом речи, коммуникативной ситуацией, культурой коммуникантов и др. Части речевой системы, где возможны и постоянно себя проявляют бифуркации, являются критическими точками, или топиками бифуркации.

Если конечная точка бифуркация выше пороговой, она приводит к возникновению новых «психолингвальных мутаций». Даже малые возмущения могут изменить состояние дискурсивного сознания, стать решающими, если попадут на точку бифуркации, на момент острой неравновесности, после чего дискурсивное сознание лишается диссипативности и вновь готовится к новому дискурсивному творчеству. Справедливо утверждение: словесное творчество возникает только в нелинейной среде.

Все вышесказанное не только не исключает устойчивости порождаемого текста как становящегося целого, но, напротив, предполагает такую устойчивость, осуществляемую за счет его линейной организации и постоянного динамического воспроизведения. Удачно завершившийся поиск аттрактора (равновесного состояния) и бифуркации (выбора) приводит дискурсивное сознание в диссипативное состояние.

Текст как линейно организованный продукт дискурсивной деятельности иначе реагирует на малые возмущения, которые могут возрасти или затухнуть. И речевая система (текст) при этом может на них не реагировать.

Устойчивые состояния диссипативных структур, раз возникнув, удерживаются невзирая на большие внешние воздействия. Линейная среда обеспечивает тексту устойчивость, благодаря которой тексты передаются от одного поколения к другому.

Нейрофизиологическую основу такого перевода составляют (а) трансформация и (б) рекомбинация энграмм (следов), хранящихся в памяти человека, пребывающего в плену своего словесного творчества, (в) первичное замыкание новых дискурсивных связей, чье соответствие или несоответствие дискурсивной ситуации (референта художественного описания) выясняется уже на уровне дискурсивного сознания.

Дискурсивно что-либо осознать — значит приобрести потенциальную возможность передать свои знания другому. Согласно современным данным, для осознания внешнего стимула речемыслительной деятельности необходима связь гностических зон новой коры большого мозга с моторной речевой областью в левом полушарии (у левшей наоборот — в правом).

2. Деятельность сверхсознания всегда ориентирована на **удовлетворение доминирующей потребности**, конкретное содержание которой канализирует направление 'психического мутагенеза'. Таким образом, 'психические мутации' изначально носят непредсказуемый, но неслучайный характер. Вторым канализирующим фактором является ранее накопленный опыт субъекта, зафиксированный в его сознании и подсознании.

В итоге можно сформулировать несколько заключительных положений:

1. Дискурсия как разновидность психической (речемыслительной) деятельности имеет трехуровневую организацию, включающую в себя дискурсивное сознание, дискурсивное подсознание и дискурсивное сверхсознание. Дискурсивное сознание оперирует результатами отфильтрованного речемыслительного опыта, который потенциально может быть передан Другому (собеседнику, адресату сообщения или последующим поколениям), может стать достоянием других членов данного этнокультурного сообщества или при переводе представителям иных лингвокультур. Для осмысления значимости внешних стимулов или событий внутренней жизни того или участника дискурсивной деятельности на характер дискурсивного сознания (индивидуального или коллективного) необходимо опираться на работу нейрофизиологических механизмов по трансформации и рекомбинации «старых» энграмм и первичному замыканию новых дискурсивных связей.

2. Дискурсивное сверхсознание всегда ориентировано на творческую реализацию доминанты речемышления, характер и содержание которой обуславливает выбор путей «психолингвальных мутаций», которые, кстати, изначально носят хотя и непредсказуемый, но неслучайный характер. Вторым фактором, определяющим природу и сущность дискурсивного сознания является ранее приобретённый речемыслительный опыт общающихся, зафиксированный в их сознании и в дискурсивном подсознании.

3. Из предыдущего положения следует, что дискурсивное сознание сочетает в себе два момента: свободу выбора и обусловленность этнолингвокультурными энграммами. Континуумность ассоциативно-образного речемышления снимает мнимое противоречие между объективной детерминированностью речевого поведения человека наследственными задатками, условиями воспитания, окружающей средой и субъективно ощущаемой им свободой выбора. Эта **иллюзия свободы** является чрезвычайно ценным свойством дискурсивного сознания, поскольку обеспечивает чувство личной ответственности автора (говорящего) за продуцируемый текст, побуждающее всесторонне анализировать и прогнозировать возможные последствия того или иного словесного выбора (комбинирования словоформ) на адекватность смыслового восприятия текста реципиентами. Это обеспечивает устойчивость дискурсивно обусловленной позиции, главенствующей в иерархии мотивов и речевых интенций автора (говорящего). Благодаря этому он обретает способность лавировать между предписываемыми данной лингвокультурой доминантами и ситуативными потребностями, способность быстро устранять актуализирующиеся в речи экстремальные ситуации.

4. Взаимодействие дискурсивного сверхсознания с сознанием есть проявление на уровне творческой деятельности человека универсального принципа порождения текста в определённой этнокультурно обусловленной дискурсивной среде. Функции дискурсивного сверхсознания и сознания соответствуют взаимодействию непредсказуемой изменчивости дискурса и выбора путей его дальнейшей эволюции. Этнокультурная эволюция дискурсивного сознания, с одной стороны, наследует в ряду сменяющихся поколений идеи, открытия и социо-

культурные нормы данного языкового сообщества, а с другой — постоянно подпитывается и обновляется идеями, возникающими в голове отдельных творческих личностей и создателей произведений словесного искусства.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003. — 280 с.
2. Chafe W. Discourse, consciousness of time. — Chicago, 1994. — 311 p.
3. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопр. языкознания. — 1994. — №5. — С. 126-145.
4. Седов К.Ф. Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенци. М.: Лабиринет, 2004. 3290 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова // Язык. Текст. Дискурс: Межвуз. науч. альманах. Ставрополь: Краснодар, 2008. С. 9-31.
6. Алефиренко Н.Ф. Дискурсивный анализ: традиции и инновации // Язык — сознание — культура — социум: Матриалы науч. конф., посвящённой памяти проф. И.Н. Горелова. Саратов, 2008. С. 12-15.
7. Алефиренко Н.Ф. Коммуникативная ситуация как когнитивно-прагматический фактор порождения поэтического дискурса // *Auspicia: Recenzovaný neimpaktovaný časopis pro otázky společenských věcí. České Budějovice: Vysoká škola evropských a regionálních studií; Praha: Filosofický ústav akademie věd České Republiky*, 2008. С. 68-73.
8. Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. — Барнаул, 1999.
9. Black M. Models and metaphors studies in language and philosophy. — N.Y.; Ithaca, 1962. — 280 p.
10. Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла. — М., 1999. — С. 302-336.

Б. М. Алиева

ИССЛЕДОВАНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ ГЕНДЕРНО-ОБУСЛОВЛЕННОЙ СПЕЦИФИКИ ЛАКСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ И РУССКИМ ЯЗЫКАМИ

В изучении гендерной проблематики в лингвистике можно выделить следующие **основные направления исследований** [1; 2; 3; 4; 5]: выявление определённых различий языковых уровней, а также различий в области вербальных стереотипов в восприятии женщин и мужчин; выявление семантических различий, которые объясняются особенностями перераспределения социальных функций в обществе, — подход, обусловленный исключительно социальной природой языка женщин и мужчин; построение психолингвистических теорий, в которых «женский» и «мужской» языки сводятся к особенностям языкового поведения женщин и мужчин; когнитивное объяснение выявленных показателей.

В анализе различных гендерных аспектов английского и русского языка можно условно выделить следующие **основные тематические блоки**: устно-речевая специфика в лингвистической гендерологии; лексико-грамматическая; ассоциативно-когнитивные аспекты; социолингвистический подход к проблемам лингвистической гендерологии; эмоционально-коннотативные аспекты в лингвистической гендерологии.

Мужчины больше женщин восприимчивы к новым фактам в языке, они употребляют больше неологизмов, а также слов из терминологической и профессиональной лексики [6]. Женщины в большей степени, чем мужчины используют престижные формы слов, новомодные иностранные заимствования. Было замечено, что женщины используют неологизмы и «модные» слова в повседневной речи, в то время как в официальной речи они стремятся их избегать [7]. Также были обнаружены соответствующие закономерности в использовании вульгарной и табуированной лексики, жаргонизмов, инвектив (нецензурная лексика) и слэнга [8; 9; 10; 11].

Так, в английском женщина использует чаще модальные глаголы в прошедшем времени: *Mightn't it be the case that...?*, *Would the relationship ...?*. Во-вторых, частотные характеристики в использовании различных модальных глаголов существенно колеблются для мужской и женской речи. Например, мужчина предпочитает *can*, а женщина *may*. В анализе использования глаголов *to be* и *to have* в качестве модальных были получены следующие результаты: *to*